

МЕДИЕВИСТИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ, ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Научная статья

УДК 82.09

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-264-284>

<https://elibrary.ru/YBQMZX>

БИЦИЛЛИ-МЕДИЕВИСТ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИК ДО НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2024 г. Н.А. Селунская

Аннотация: В статье рассматриваются разнообразные темы, которые представляют, по мнению автора, интерес в контексте общих вопросов интеллектуальной биографии П.М. Бицилли. Это формирование и идейный фон, а также ранние работы Бицилли, значимость истории средневековья и Италии для Бицилли, особенности изучения средневековья в России до революции. Мой авторский анализ раннего творчества Бицилли (в особенности, исследований по итальянскому средневековью) фокусируется на проблеме социального конфликта и социального движения и их интерпретаций в исторических нарративах и свидетельствах; также этот анализ включает тему интерпретирования идеи Нового средневековья.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, интеллектуальная биография, интеллектуальная история, русский медиевизм, медиевистика в России, Новое средневековье, итальянистика в России, история идей и концептов, темпоральность, гуманитарные науки.

Информация об авторе: Надежда Андреевна Селунская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр интеллектуальной истории Российской Академии наук, Ленинский проспект, д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-4292>

E-mail: spesbona@mail.ru

Для цитирования: Селунская Н.А. Бицилли-медиевист: от средневековых хроник до Нового средневековья // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 264–284.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-264-284>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

BITSILLI AS MEDIEVALIST: FROM MEDIEVAL CHRONICLES TO THE NEW MIDDLE AGES

© 2024. Nadezhda A. Selunskaya

Abstract: There are several topics under the consideration in the article, which are interesting to my mind in the context of the intellectual biography of Piotr M. Bitsilli in general: Bitsilli's background and early works, the importance of Medieval and Italian history for Bitsilli, Medieval studies in Russia before the revolution. My analysis of the early writings of Bitsilli (devoted to the Italian medieval history in particular) is focused on the problem of the social conflicts and movements and their interpretation in the historical narratives and sources; it includes also the interpretation of the idea of the New Middle Ages.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, intellectual biography, intellectual history, Italian studies in Russia, medieval studies in Russia, Russian Medievalism, New Middle Ages, temporality, humanities.

Information about the author: Nadezhda A. Selunskaya, PhD in History, Senior Researcher, Center for Intellectual History Studies of Russian Academy of Sciences, Leninsky av. 32A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-4292>

E-mail: spesbona@mail.ru

For citation: Selunskaya, N.A. “Bitsilli as Medievalist: From Medieval Chronicles to the New Middle Ages.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 264–284. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-264-284>

В данном исследовании анализируется дискурс П.М. Бицилли как медиевиста, т. е. проблематика работ по медиевистике, в особенности, проблема темпоральности, описания качественных изменений и вопросы изучения истории понятий и терминов в этих изысканиях по средневековой истории, рассматриваемых в контексте интеллектуальной биографии ученого. Интеллектуальная история — это, разумеется, не просто истории про интеллектуалов, не просто подробности биографии или curriculum vitae. Интеллектуальная история, скорее, состоит в умении рассматривать привычное под новым углом зрения, задавать новые вопросы, размышляя над традиционным и принятым. Интеллектуальная история, как мне кажется, должна изучать историю идей как историю людей: через способы конструирования интеллектуальной идентичности во времени и пространстве. В сфере внимания интеллектуальной истории должен быть не один центр притяжения, наоборот, непереносимое условие работы метода — анализ одних и тех же аспектов в разных контекстах. Особенности исследовательской работы ученого-гуманитария прошлого, как и штрихи к его бытовому портрету, помогают современному историку понять особенности исторического момента, в котором осуществлялось формирование текста, высказывания, авторской манеры Бицилли, т. е., той эпохи, которую сам ученый и его современник, философ Н.А. Бердяев, определяли как Новое средневековье.

Представляется важным проследить ряд сюжетов, связанных с проявлениями идентичности интеллектуала, представителя классического гуманитарного знания — итальяниста, медиевиста, не только в рамках собственно академической активности, не столько в плане совершенствования успехов в своей исторической дисциплине, но в более обширной сфере деятельности. Я подразумеваю не просто интеллектуала-историка, владеющего спектром смежных

гуманитарных компетенций и познаний, например, в области исторических дисциплин и филологических наук, но носителя особой идеи, особого дискурса, представления о времени и о себе.

Интеллектуальная биография ученого фокусирует его идейное наследие, однако интересуется тем, что существует не только в рамках собственно академической активности, но в различных полях деятельности, в разных жизненных обстоятельствах и социально-политических контекстах [1; 2; 3; 4; 5]. Интеллектуальная история прослеживает жизненные пути людей и их пересечения как пути трансляции идей. Прежде всего важно увидеть интеллектуала в кризисные моменты эпохи, в связи с переломными периодами истории, перед лицом грозных исторических событий, в качестве свидетеля времени поисков, крушения и создания новой исторической личности и новой государственности.

В данном отношении ХХ в. демонстрирует чудеса: академичные, дабы не сказать аутичные, сконцентрированные на тонкостях изучения архивных материалов историки-источниковеды становятся популяризаторами, пишут для максимально широкой аудитории, легко переключаются не только на новые сюжеты исследования в рамках исторической дисциплины, но выходят в иные сферы деятельности, например, занимаясь литературоведением и публицистикой, как это сделал и П.М. Бицилли. И все же преобладает над остальными некая общая идея, идея восприятия времени, желание понять и объяснить своеобразие того или иного исторического периода. Бицилли на протяжении жизни работал как педагог, публицист, литературный критик, но также и как исследователь: итальянист и славист. И именно историческая итальянистика (в особенности медиевистика) дала базу для образования и становления Бицилли как исследователя-гуманитария. Автору данной работы кажется важным выделить особенности не только исследований Бицилли по истории средневековья (которые отличаются, скажем, от его же ранних публикаций по темам античности или трудов по итальянскому гуманизму и ренессансной культуре), но особенности интеллектуальной биографии ученого, стиль мышления, личностные ориентиры и доминанты, которые, думается, проявились и потому, что в начале его пути такую роль играла медиевистика, к которой Бицилли всегда мечтал вернуться.

Именно специализация по всеобщей истории, медиевистика, как и ориентированность на итальянистику и средиземноморские исследования, дали возможность Бицилли сформироваться как эрудированному и теоретически грамотному преподавателю, заложить

прочные основы для всей последующей академической и педагогической деятельности: широкий горизонт приобретенных знаний позволил менять направления работы, варьировать возможности преподавания, научных изысканий.

В работе ученого можно выделить поле исследований истории и культуры Италии, а также, как уже отмечалось, две временные арки и сферы интересов: средневековые и Ренессанс. Традиции исследования жизни средневековых общин и дискурсы изучения и преподавания истории ренессансной культуры гуманизма в академическом мире времени становления и творчества Бицилли были весьма разными, даже противопоставленными (можно сказать, что такими эти традиции остаются и до сих пор). Именно поэтому, на мой взгляд, следует акцентировать более ранние публикации Бицилли (первый этап работы как самостоятельного исследователя и педагога). Исследования эти были выполнены в основном на материале средневековых исторических источников, хотя, несомненно, имели ценность и публикации 1912–1914 гг. по сюжетам истории античности, а также изучение Бицилли вопроса о западном влиянии на Руси и проблеме летописания¹.

Тогда же, на ранних этапах творчества, Бицилли в качестве медиевиста продемонстрировал склонность и вкус к историко-теоретической работе особого толка: т. е. здесь присутствовал аналитический подход, который не подразумевал абстрагирования или обобщения высокого порядка.

Работа не юного, но все еще начинающего педагога и ученого, опубликовавшего свое исследование «Общественные движения в изображении средневековых историков» в «Журнале Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП) [14] кажется, на первый взгляд, разбором казуса или пары казусов, но, по моему глубокому убеждению, является работой историко-теоретического плана. Именно эту работу я предполагаю анализировать особенно внимательно, а более известные публикации, в частности,

¹ Бицилли в 1912 г. опубликовал сразу и свой очерк «К вопросу об источниках «Афинской политики»», и миниатюрный, яркий обзор «Тацит и римский империализм»; в 1913 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» вышла статья более академического стандарта — по римской истории колоната «*Colonus et conductor* в свете новейших исследований» [13]; к 1914 му Бицилли подготовил и издал в Одессе публикацию «Западное влияние на Руси и начальная летопись» (которая относится к медиевистике, но не собственно западной медиевистике), что можно считать важной попыткой переключения на изучение проблемы взаимосвязей и сложностей культурно-исторического контекста развития славянского мира [11].

«Элементы средневековой культуры» и монографию на основе диссертационного исследования о Салимбене², привлекать для сравнения.

Разумеется, диссертационное исследование лежало в основе всей работы Бицилли-медиевиста этого периода, но статья в ЖМНП — это не просто скопированный фрагмент диссертации и вышедшей в 1916 г. книги о Салимбене, а совершенно самостоятельное и самодостаточное высказывание-исследование. Рассказчик, построивший нарратив для публикации 1917 г., и диссертант имели разные дискурсы. Бицилли в качестве автора исследования о средневековых общественных движениях знакомит читателей не только с единичными случаями социальных конфликтов в городе, со второстепенными событиями средневековой истории или избранными цитатами из достаточно мало известных хроник эпохи, но со сложной проблемой верификации нарративов, с менталитетом и стереотипами работы хрониста.

Это несколько иной модус теоретических построений чем тот, к которому Бицилли приучал читателя в «Элементах средневековой культуры» или еще позже в «Очерках теории исторической науки» (Прага, 1925), хотя, вероятно, тот и другой метод и подход имеют связь между собой. Ведь и в «Элементах средневековой культуры», несмотря на декларируемое автором «невольное присутствие Карсавина» [15, с. I–II], влияние коллеги считается, пожалуй, только в таком пункте, как желание Бицилли ограничить справочный аппарат. В «Элементах...» описание достаточно казуально, как и в очерке для ЖМНП, автор обходится без жестких схем и обобщений, указы-

² Монография «Салимбене: Очерки итальянской жизни XIII века» была опубликована в 1916 г. в Одессе в «Записках Историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета» (вып. 12). Исследование было выполнено в качестве магистерской диссертации, которая и была представлена Бицилли и официально обсуждалась на историко-филологическом факультете Петроградского университета уже в следующем, революционном году. И здесь, в столице России, на самом закате прежнего мира, в лучах того времени, что позже получит имя Нового средневековья, была осуществлена мечта медиевиста о признании его научным миром: 22 мая 1917 г. состоялась дискуссия и процедура защиты, по итогам которой соискателю была присвоена ученая степень магистра всеобщей истории. Официальными оппонентами выступили профессора И.М. Гревс и Д.К. Петров, в числе оппонентов был и Л.П. Карсавин, изначально ученик Гревса, но к тому времени достаточно радикально расхопившийся во взглядах и методологических установках со своим бывшим профессором. Однако всех оппонентов и рецензентов объединили положительные оценки диссертационного исследования. Подробнее об этом см. в статье И.В. Голубович в настоящем издании.

вая, что это результат его прежней работы «над некоторыми частичными проблемами истории средневековой культуры» [15, с. II].

Публикация 1917 г. также предлагала не способ создания схем и обобщений, а нечто противоположное тому: анализ стереотипов, общих риторических мест, используемых авторами средневековых тестов, которые служат современному историку источником. И все же это не деконструкция, но вариант реконструирования нарратива и его сложной темпоральности, изучение мировосприятия или же, используя более поздний термин исторической науки, ментальности средневековых авторов хроник.

Исследуя средневековые нарративы и создавая свой собственный увлекательный рассказ, используя средневековые источники, Бицилли встречается с проблемой авторской интерпретации истории. Можно было бы сказать и иначе, по принятой формуле: историк-медиевист имеет дело с проблемой достоверности и репрезентативности средневековых источников, которая была и остается острой и актуальной для исследователей всех эпох. Но, как мы увидим, точка зрения Бицилли интереснее, его трактовка мирозерцания авторов хроник и принятых ими клише — более современная, чем этого можно ожидать, когда речь идет о научной работе, которой минула сотня лет. Явным выглядит намерение Бицилли-медиевиста понять особенности менталитета средневековых авторов хроник и оценить их умение отвечать на запросы своего времени. Поисковые постановки вопросов у Бицилли разнообразны, эти вопросы касаются не только очистки текста от поздних наслоений.

С понятием актуальности следует, разумеется, быть очень осторожными: здесь речь идет об особом случае «попадания» актуальных проблем современной автору эпохи в поле исследования медиевиста. Бицилли пишет в 1919 г. в «Элементах...»: «Только по окончании его труда автору удалось уяснить близкое отношение затронутых им вопросов к текущей современности» [15, с. I]. Именно так, думается мне, дело обстояло и с работой 1917 г. издания по теме конфликта в средневековом городе и его описания хронистами. Видимо, уже завершив цикл диссертационных исследований и подготовку работ по истории Пьяченцы и средневековой сецессии простолудинов, а также движения «пастушков», Бицилли смог формализовать свою позицию, оформить точку зрения, которая, собственно, уже проступает в исследовании, но как бы пунктиром.

В предисловии к «Элементам...» Бицилли, в сущности, задается вопросом о восприятии образа прошлого, размышляя о том, почему произведения средневекового искусства выглядят для нас имен-

но так, а не иначе. А было ли сохранено и передано до наших дней оригинальное понимание идеи? И возможно ли, постижимо ли для нас средневековое своеобразие в изображении мира, адекватно ли наше видение восприятию реалий с точки зрения авторов-художников? Как обещает Бицилли читателю в заключительных фразах, сильный ответ дают его «Элементы средневековой культуры».

Те же вопросы, хотя и несколько иные модусы ответа, как кажется, даны исследователем и в более ранней публикации ЖМНП, только в публикации 1917 г. акцентируются частные моменты нелинейного восприятия и воспроизведения хода времени и истории.

Вопросы и ответы, которыми интересовался Бицилли-медиевист, изучая произведения средневековых хронистов, находились в особом поле исследования: исторической психологии и специфики менталитета, а не только в плоскости верификации фактов, дат или выявления намеренных искажений датировок событий автором средневекового текста. Бицилли ясно представляет себе автора нарратива, для которого точность датировки события и его исключительность были гораздо менее важным делом, чем возможность найти адекватный риторический прием, дабы обозначить символическую ценность истории. Проиллюстрировать важный принцип социального согласия, пусть и искусственной вставкой в повествование хроники, представлялось более ценным делом, чем сохранение буквального свидетельства.

Публикация Бицилли в ЖМНП должна была, видимо, дать возможность учителю или преподавателю университета провести полноценный семинар по проблеме использования анналов и хроник средневековья. Основой работы исследователя становится не попытка прочесть и изложить содержание источника, но попытка объяснения позиции автора источника. Бицилли ставит вопросы и задачи, которые мы бы сейчас определили как попытки реконструировать менталитет средневековых авторов-хронистов:

Когда в Европе стала складываться общественная жизнь, когда начались общественные движения, регистраторы текущей действительности, хронисты, оказались в затруднительном положении. Их историческое понимание формировалось в условиях полной пассивности «народов»; в их поле зрения попадали долгое время только «князья» и святые с их подвигами и чудесами.

Восстания в городских общинах, великие религиозно-общественные движения застали хронистов врасплох. Историческая жизнь

предстала пред ними более сложной и многообразной, чем она казалась им до сих пор [14, с. 87].

Стоит ли говорить, что и жизнь Империи на закате, история России в год двух революций, представляла пред учеными-историками, представителями традиции гуманитарной мысли, тем более сложной и многообразной, чем она могла казаться до той поры: гораздо более загадочной и с трудом поддающейся описанию. Не может быть случайным, что именно в 1917 г. на излете культуры Серебряного века русской культуры в статусном, официальном правительственном издании ЖМНП — Бицилли опубликовал свою рафинированную работу под названием «Общественные движения в изображении средневековых историков» [14]³.

Бицилли в 1917 г. разговаривает со своим читателем так:

Если мы узнаем в каком-либо комплексе явлений «революцию», «реформацию», «реакцию», у нас невольно является склонность отыскивать в нем черты нам известных уже ранее «революций»... Но в средние века это делалось грубее и наивнее [12, с. 106].

Повторю, что легко разобраться с этой в кавычках «наивностью» мог только блестяще подготовленный ученый: историк, понимающий реалии средневековья и латинист, который не пренебрегает специфической средневековой латынью, порой близкой к *volgare*. Автором публикации была проделана очень сложная источниковедческая работа.

Однако еще более важным представляется то, что Бицилли видел конечным результатом и смыслом своей работы не саму техническую сторону перевода латинского источника (чем мог бы ограничиться провинциальный начинающий исследователь и педагог в статье для образовательного журнала). Техническая, механическая работа вовсе не вызывает у Бицилли желания заострять внимание на этом черновом этапе осмысления источника в публикации ЖМНП. Развернутый комментарий появляется там, где простодуш-

³ Не так давно, т. е. уже в новом столетии, статья была воспроизведена в новой орфографии [13, с. 85–106], что диктует необходимость цитировать именно по этому изданию. Однако сверка с оригиналом в ЖМНП необходима из-за некоторых неточностей в передаче латинского текста. Кроме того, в журнальной публикации 1917 г. два текста Бицилли объединены как два примера одной идеи в статью с общим предисловием и общим выводом в конце, в публикации же 2006 г. эти два текста указаны в заглавии как разные статьи.

ное желание и умение «просто прочесть» ощущается совершенно недостаточным. Важным вопросом, который заботит Бицилли и при работе над «Общественными движениями...», и в «Элементах...» был такой: «Мы мыслим, а, следовательно, и говорим существенно иначе» [15, с. II], чем люди средневековья. Отсюда авторское опасение бессильности «дать перевод, приближающийся к оригиналу». Но в «Элементах...» декларируется, что цитаты будут минимальны, а в «Общественных движениях...» эти полнокровные цитирования подлинника и строки перевода занимают иной раз гораздо более половины страницы.

Текст хроник, который приводит и в латинском подлиннике, и в своем переводе Бицилли в публикации 1917 г. достаточно ярок и красочен сам по себе, но эта живописность не притупляет инстинкт исследователя и переводчика. Сами теоретические построения кажутся излишними, на первый взгляд, когда встречаешься с таким нарративом, но заключительный анализ только раскрывает полноту нарратива, а не снижает впечатление.

Чем-то рассказ Бицилли о конфликте средневековых итальянских горожан напоминает простодушное начало «Трех мушкетеров», любимой книги детства многих поколений. Обратимся к тексту:

В феврале месяце 1090 года между народом и рыцарями Пьяченцы вспыхнула великая распря вследствие драки, происшедшей в это время на пустыре между церковью Св. Марии Храмовой и дорогой, ведущей к замку. Случилось ненароком, что некий рыцарь с явным перевесом сражался с неким пешим, так что они не могли расцепиться. Простолюдины, наблюдавшие за этой борьбой, заметили, что пехотинец не может сопротивляться рыцарю, и стали бросать в последнего камни и грязь. Бывшие там рыцари, в свою очередь, избили и отхлестали пехотинца. Поднялся всеобщий переполох, все городские рыцари собрались в одном месте, а пешие — в другом, и между ними завязался жестокий бой... [14, с. 86].

Бицилли поясняет:

О событиях этого времени повествуется в так называемой гвельфской летописи, автор которой по характеристике Пертца (предисл. к изд. *Annales Placent. Guelfi* в MGSS, XVII) был прекрасно осведомлен о событиях, ему современных (XIII в.), раннюю же часть своего повествования заимствовал из не дошедшей до нас старой городской летописи (1012–1194). Собственно, и эту раннюю часть, где помещен

рассказ об интересующих меня событиях (1090), можно разбить на две части. С 1154 г. летописные заметки становятся подробнее, переходят подчас в обстоятельные рассказы. До 54 г. на каждый год приходятся одна-две строчки; нередко такие заметки: 1085 г. — «был сильный голод»; 1091 г. — «Пьяченца горела в св. Субботу». Повествование о событиях 1090 г. составляет явное исключение: оно изобилует подробностями... [14, с. 85].

Бицилли рассматривает средневековые анонимные анналы и авторские средневековые нарративы как произведения искусства, имеющие собственные отличительные и типичные черты.

Художественная критика знает примеры произведений искусства, напр<имер> живописи, относительно которых возникают сомнения: принадлежат ли они кисти мастера или его «школе». Ученик зачастую так точно воспроизводит «манеру» мастера, что по внешним признакам (колорит, рисунок, способ накладывать краски, мотив, типы и проч.) ни о чем судить нельзя. Остается только один критерий: органичности художественного произведения. Подражатель непременно выдаст себя наличием «белых» мест, отсутствием внутренней согласованности, что, как следствие, влечет за собою утрировку приемов того, кому он подражает; ибо этим подражатель как бы инстинктивно стремится сделать для чужих глаз незаметным свое бессилие возвыситься до усвоения художественной идеи своего образца [15, с. 87].

Так пишет Бицилли, сравнивая три средневековых исторических источника и приходя к выводу о том, что они подчинены общей схеме, а в одном из, казалось бы, простых, красочных и не вызывающих вопросов мест исторического описания кроется подвох, многослойность, заимствование. Читая эти пассажи, невозможно не вспомнить другого историка-итальяниста, более чем на половину века младше: Карло Гинзбург и его «Indagini su Piero» («Исследования о Пьеро», а в английском переводе «The Enigma of Piero», или «Загадка Пьеро» дельла Франческа). Но вспоминается и приведенный выше зачин «Элементов средневековой культуры» относительно техники и мирозерцания средневековых мастеров, опубликованный вскоре, через два года после статьи в ЖМНП.

Бицилли в работе 1917 г. заключает:

Пора прийти к окончательному выводу. Анализируемое место пьяченцинских анналов стоит в соответствующей части совершен-

но особняком. Это — очевидно позднейшая вставка в летопись. На ее месте в первоначальной городской летописи, вероятно, читалось летописно-сжатое сообщение о столкновении рыцарей и «пеших», заключавшее в себе некоторые хронологические и топографические данные, которых не мог же выдумать автор вставки. Но весь этот материал был им переработан и развит по образцам, которые доставили ему миланские хроники. Что он легко мог быть с ними знаком, само собою понятно: Пьяченца и Милан были в постоянных сношениях... [15, с. 87].

Вопрос о том, какой из трех пересекающихся текстов является первичным, источником заимствования, начальной воспроизводимой матрицей, был далеко не прост, а вывод Бицилли вполне остроумен. Изменен в угоду складывающейся почти литературной схеме был некий примитивный и основанный на реальных событиях сессии источник. Фактура стала служить элементом уже прочерченной схемы. Бицилли указывает:

...тем самым, что мы предполагаем эту двойную зависимость, вероятность нашего предположения возрастает: именно то, что схема, которую мы старались вскрыть из анализа трех отрывков трех хронистов, оказывается у двух налицо в частях, а у третьего в целом, является решающим доводом в пользу предположения, что у двух первых она находится *in statu nascendi*, третий же воспользовался ею в готовом виде [15, с. 87].

При всем том, разумеется, речь не идет о примитивной фальсификации источника рукой более позднего автора, о нарративном дискурсе и особом ощущении хода времени и событий. Бицилли, как мне кажется, прекрасно чувствует разницу, хотя и не сразу постулирует это. Средневековое восприятие времени по умолчанию не сводится к линейности и строгой последовательности событий, скорее, такая линейность воспринимается как исключение. Нет у средневековья и страха перед возможностями модернизации и реактуализации событий прошлого, нет и жестких границ авторского права, все, что накоплено к данному историческому моменту в текстах и известно автору может «пойти в дело». Та тема темпоральности, которую вольно или невольно открывает Бицилли по мере исследования, опубликованного в 1917 г., созвучна гораздо более современным изысканиям в поле исследования истории идей и концептов. Так, Рейнхард Козеллек, рассуждая о «семантике исто-

рического времени», одновременно пытался показать корреляции между социальной историей и историей концептов [6; 10].

Размышляя над вопросом о человеческих возможностях «вершить историю», Р. Козеллек писал также и о том, как менялось восприятие истории. Представление о линейной истории, видение истории как единого процесса формируется лишь в эпоху Просвещения. До того поток истории в сознании свидетелей своего времени, как ученых летописцев, так и обывателей, распадался на частные «истории», которые мыслились как примеры, используемые в богословии, юриспруденции и философии или как истории специально обозначаемых субъектов, например, стран и народов, империй, или же учений и догматов [6; 10].

Можно добавить, что такое же одновременное использование несинхронных исторически моментов отражает житийная икона с клеймами и сохраняет в едином поле. Подобная многослойность ткани времени сохраняется и передается в Новое и Новейшее время уже не в исторических нарративах, но в литературных произведениях, однако эту особенность ясно понимают именно те, кто работал и с историческими (текстовыми) источниками средневековья. Пользуясь удачными определениями, которые сформулировал Ф.Б. Поляков применительно к творчеству А.М. Ремизова, — это «приемы изображения событийной синхронии, допускающие технику коллажа», сочетание мифотворческой интерпретации с документальными свидетельствами, «расширенная временная перспектива, т. е. диахронический аспект событийности» [7, с. 151]⁴. Именно такой элемент игры с историей, сочетание воображаемого с историческим демонстрируется хронистами средневековья, опыт которых изучал и разъяснял Бицилли сто лет тому назад.

Весьма ценна работа Бицилли-текстолога, его анализ способов построения исторического нарратива и восприятия времени на примере хронистов средневековья, но актуальность работы в момент написания придавал выбор в качестве объекта изучения имен-

⁴ Здесь приведем полностью цитату из статьи Ф.Б. Полякова: «Поздняя мемуарная проза Алексея Ремизова использует приемы изображения событийной синхронии, допускающие технику коллажа — описываемая реальность может сочетаться с ее мифотворческой интерпретацией, документальные свидетельства (например, частности историко-литературного быта) — с элементами игры, вымысла и антиповедения (ремизовского “безобразия”). Такой мифопоэтически претворенный материал зачастую содержит отсылки к именам, образам или событиям, в которых прослеживается иная, расширенная временная перспектива, т.е. диахронический аспект событийности, ее исторический ритм» [7, с. 151].

но интерес ко времени перемен, к периоду роста итальянских средневековых коммун и борьбы между элитой и «народом»). Название статьи Бицилли фокусирует именно эту тему противоборства и народных движений, когда акторами становились те, кого раньше называли чернью, низами, маленькими людьми. Но, когда Бицилли сам становится рассказчиком (и рассказчиком интересным), внимание заостряется на проблеме времени и передачи хода этого времени. Проблема интерпретации времени и события — сложная задача, которая осуществлялась и авторами средневековых историй и анналов, но также и самим Бицилли, ученым новой эпохи, свидетелем истории 1917 г. Примечательно, что именно в этот революционный год статья, обращенная к теме социального протеста в средневековье оставила, благодаря Бицилли, след в интеллектуальной истории. Бицилли как медиевист-исследователь, его трактовки особенностей менталитета средневекового хрониста, темы оригинальности и заимствований в медиевальных текстах, проблема восприятия времени — вот тот сюжет, который в наибольшей мере интересует меня сейчас и был акцентирован в данной работе⁵.

Стремление проследить заимствования-вставки, «мемы» и бродячие сюжеты средневекового нарратива — первый уровень рефлексии, который был продемонстрирован этим историком и текстологом весьма здраво. Но разве это стремление самодостаточно? Нет, совершенно естественным для Бицилли-медиевиста стал и переход к актуализации исторического материала. Работая на фоне судьбоносных исторических событий, историк, наверняка чувствовал исторические параллели, оставлял и подсказки читателю и намеки.

Можно сказать, что специалист-историк высказывался на ту же тему, что и философ-проповедник, выражающий идеи наступления Нового средневековья, однако историк работает с этим понятием особым образом, конкретизирует идею, сверяясь с историческими источниками, задумываясь об особенностях менталитета их создателей, оттеняя мысль о современности историческим экскурсом. Медиевист обращался к конкретным историческим (хотя и тщательно отобранным) примерам, препарировал идею и образ средневековья иначе, чем это делал философ, богослов или литератор-романтик. Именно в силу исторической конкретики образа, такой концепт Нового средневековья, отчеканенный медие-

⁵ Другие аспекты были мною затронуты ранее в предшествующей публикации, подготовленной в год столетнего юбилея русской революции и работы Бицилли о социальном кризисе в средневековье [9].

вистом, не мог стать распространенным стереотипом, штампом. Примечательно, однако, то, что в первой трети прошлого столетия, как сейчас, почти век спустя, концепт Нового средневековья — в большой моде.

В работе Бицилли 1917 г. проблемы восприятия средневековья и его реактуализации, как и тема революции и реакции, отразились при разборе казусов социальных переворотов и общественных движений, а также способов их изложения средневековыми хронистами. Такого рода специализированная работа с углубленным вниманием к материалу средневековых латинских источников не могла (да и не сможет никогда!) стать популярной или хотя бы легко цитируемой достаточно широким кругом читателей.

Тем не менее очевидно, что Бицилли-историк, работая в России 1917-го с казусами латинской средневековой истории, проводит для себя самого и своего читателя исторические параллели, пусть и не в явной, лобовой манере сравнения. В единый контекст, в общее поле зрения историка этих лет попадали и источники по истории средневековья, повествующие о социальных кризисах (о Крестовом походе детей, возмущении простолюдинов от поборов на Крестовый поход), и кризис современной ученому социальной системы.

Работа, опубликованная в 1917 г., к великому сожалению, не привлекла в тот момент достойного внимания по многим причинам, именно по тем, по которым она кажется любопытной сейчас. Даже по такому нейтральному периодическому изданию, как ЖМНП можно понять, в какой напряженной политической обстановке происходили публикации (манифест об отречении, приказы и распоряжения временного правительства печатались тут же с пояснениями о причинах задержки очередного выпуска, но журнал продолжал выходить).

Издававшийся с 1834 по 1917 гг., ЖМНП являлся официальным периодическим изданием, которое было призвано информировать об успехах образования и науки в Российской империи, а также о соответствующем мировом опыте по самым различным специализациям. Гуманитарные науки в эту эпоху играли большую роль, и основное место отводилось публикациям историко-филологического характера (классический древний мир, средневековье и Возрождение на западе и на востоке Европы). Издатели журнала не зря убеждали читателя в том, что именно здесь, из этого источника можно почерпнуть представления об актуальном образе наук, хотя первые страницы неизменно отводились министерским распоряжениям, циркулярам и извещениям о наградах.

В большом познавательном значении издания, однако, легко убедиться, листая подшивки журнала, что в данный момент возможно даже и в электронной форме, хотя официальная концепция журнала заключалась в назидательной и нравоучительной формуле, закреплявшей главенство и основную роль власти и правительства в деле правильного образования для настоящих нужд Отечества. Тем не менее статью Бицилли, в которой говорится о народном гневе, восстании и обсуждается идея революции, пусть и революционных изменений далекой средневековой эпохи, с трудом можно отнести к этому официальному правительственному дискурсу. Однако в год свершения «великой русской революции» именно такая статья и могла служить делу истинного народного образования, повышению интереса к истории у читающей публики.

Бицилли суммирует, если так можно выразиться, элементы средневековой социальной культуры и красочные стереотипы описания динамики этой культуры в этой совсем немонументальной работе 1917 г., как будет делать и в дальнейшем. Медиевист анализирует определенный и замкнутый круг идей, который регулировал описания средневековыми хронистами событий, конструируемых в хрониках. В более известной своей общей работе по истории средневековой культуры, вышедшей в свет в 1919 г. Бицилли напишет:

Таким образом замыкается идейный круг: начали с конструирования небесной иерархии, имеющей символическое значение, воспроизводящей в знакомых символах, «наподобие земной иерархии», порядок метафизического мира; затем приписали этой символической картине реальное существование, и уже она — небесная иерархия — становится прообразом земной, которая раньше была ее прообразом. Отношение между обеими «иерархиями» обращается: символизируемое, облекшись в плоть и кровь символа, начинает жить его вещественной, плотской, материальной жизнью. Мир только выигрывает в стройности и целостности, достигает максимальной степени единства [15, с. 62].

В работе 1917 г. по истории конфликтов, бунтов, религиозных движений тоже анализируется обманчивая, сконструированная целостность и стройность картины мира. Кажется, игра смыслов и понятий тут сходная. Да, в книге преобладает демонстрация той самой символической целостности, ступеней и степеней иерархии, а в статье 1917 г. автору была важнее деконструкция, но, в любом случае, изучаются символические ценности миропорядка. Разуме-

ется, есть в этой работе и переключки с более поздними философско-теоретическими построениями, с разработкой идеи Нового средневековья. Возможно, Бицилли угадал, пусть и не в подробностях, эпоху будущих массовых движений, вероятно, будучи историком, думал о природе социальных эволюционных и революционных изменений прошлых веков. В любом случае, очевидно — судя по тексту статьи в ЖМНП, — что в средневековом мире историк видел динамику, изменчивость, а вовсе не ту статичную картину, оплот надежной неподвижности и стабильности, которая служит предметом ностальгии современных поклонников средневековья.

Средневековье для Бицилли — не расхожий стереотип, не определенный образ давно минувшего, который любой журналист или читатель газет может наполнить своими смутными представлениями, как заполняли фотографии прошлого трафарет чередой клиентов. Средневековье Бицилли — хрупкая, хотя и поражающая воображение историческая ткань, которая бесконечно разворачивается перед удивленным зрителем, массовому читателю просто невозможно иметь дело с такой тонкой материей, невозможно выкроить из нее собственное изделие. Средневековье как идея философа Бердяева гораздо лучше годится для роли массового понятия, популярной идеи.

Медиевист обращался к конкретным историческим (хотя и тщательно отобранным) примерам, сам же и создавая казус описания, препарируя идею и образ средневековья иначе, чем философ, богослов или романтик. Именно в силу исторической конкретики образа, такой концепт Нового средневековья, отчеканенный медиевистом, не мог стать распространенным стереотипом, штампом. Примечательно, однако, то, что идея Нового средневековья и штудии по медиевистике могут исходить от одного автора.

Не менее интересны попытки медиевиста работать рассказчиком, как бы раскрывая идею *fiction in the archives*, акцентируя не только то, что исторический источник может быть живым и интересным повествованием, но и просчитывая алгоритм создания средневекового нарратива. Главным мотивом, который, тем не менее, необходимо выделить, является особое чувство времени и возможности повествования о нем, в такой временной перспективе, в таком диахроническом аспекте событийности, который был естественным для средневекового сознания (как у образованного человека, так и самого простого). В любом случае, прием описания истории или историй, сочетающий наслоение доподлинных исторических подробностей и свидетельств с заимствованиями, с элемен-

тами мифотворчества в качестве стержня нарратива — не вызывал вопросов или отрицания, которые этот прием неизбежно порождает у современных профессиональных историков-исследователей.

Необходимо подчеркнуть и то очевидное для Бицилли — историка и текстолога — обстоятельство, что идея может «работать» как объяснительная система, т. е. применяться и приниматься в серии текстов без оглядки на индивидуальное авторство, которое вообще мало релевантно для средневекового сознания. Не так важны конкретные первичные обстоятельства возникновения схемы или интерпретации. Важным является то, что такое объяснение, такое построение текста становится популярной и перенимаемой моделью. Ряд средневековых нарративов воспроизводит сходную и относительно новую для своего времени идею, которая должна объяснить причины социальных контрастов и подчеркнуть момент счастливо-го разрешения конфликта в эпоху перемен.

Видимо, можно сказать, что и концепт Нового средневековья, основное звено в цепи интерпретации новой исторической реальности, наступившей столетие назад, также имеет право на существование не в одной единственной авторской интерпретации, а во множестве вариаций. «Первородство» идеи, первенство в употреблении термина — здесь не главное, главное же — поиск нового языка описания: та проблема, с которой сталкивались средневековые хронисты в описании средневековой истории коммуны, данном Бицилли.

Ведь тот же самый поиск метафор, языка описания для характеристики текущей реальности, осуществлялся и самим Бицилли, и другими русскими мыслителями его поколения, современниками эпохи войн, революций, кризисов [8]. Да, имя должно было быть найдено, но главное, что эта идея начинает множиться, восприниматься в разных контекстах и присваиваться той или иной средой, в том числе средой представителей русской культуры в изгнании. Да, историческая реальность, стоящая за этой ментальной конструкцией, за словами: эпоха Нового средневековья — потребовала объяснений и нового языка повествования от современных ей наблюдателей и рассказчиков, но параллели нашлись в достаточно отдаленном прошлом.

Сам Бицилли — историк, медиевист эпохи Нового средневековья, — как и изучаемый им хронист классического средневековья, был внезапно застигнут новой реальностью, новым течением жизни, и теперь должен был блуждать и теряться в поисках (если не выхода, то новой объяснительной схемы). Как и матрица средневе-

кового нарратива, система описания новой реальности и нормальности, наступившей столетие назад, создавалась усилиями нескольких авторов (и затем заимствовалась друг у друга), но речь здесь не о том, кому принадлежит приоритетное, первичное использование словосочетания «Новое средневековье». Важно, скорее, то, что новая объяснительная система, новый дискурс потребовался и философу, и историку (как и любому свидетелю истории) в момент кризиса, судьбоносных, резких, но не заканчивающихся одномоментно перемен, как требовалась новизна описания авторам средневековых аналогов и хроник (разным по совершенству стиля и изобретательности), но равным образом застигнутых врасплох временем перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Васильева М.А.* «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
2. *Гардзонио С.* Перелистывая «Хождения во Флоренцию», или Тоска по невозвратимому // *Знамя*. 2011. № 4. С. 178–187.
3. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк культуры // *Одиссей. Человек в истории*. 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256–271.
4. *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 241 с.
5. *Клюев А.И., Свешников А.В.* П.М. Бицилли и Петербургская школа медиевистики // *Средние века*. 2016. Т. 75, № 3–4. С. 387–393.
6. *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // *Отечественные записки*. 2004. № 5 (44). С. 97–130.
7. *Поляков Ф.Б.* «В розовом блеске» Алексея Ремизова: память культуры и ритуал поминовения // *From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon* / сост. Л. Флейшман, А. Осповат, Ф. Поляков. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. С. 151–161. (Russian Culture in Europe. Vol. 8).
8. *Селунская Н.А.* Новое Средневековье и медиевисты после Великой войны [глава в коллективной монографии] // *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности*. М.: Аквилон. 2017. С. 211–244.
9. *Селунская Н.А.* Новое Средневековье — русская идея? // *Диалог со временем*. 2018. № 64. С. 179–195.

10. Koselleck R. Über die Verfügbarkeit der Geschichte // *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. S. 260–277.

Источники

11. Бицилли П.М. Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса: «Экономическая» тип., 1914. 29 с.
12. Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
13. Бицилли П.М. *Colonus et conductor* в свете новейших исследований // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 8. С. 358–379.
14. Бицилли П.М. Общественные движения в изображении средневековых историков // Журнал Министерства народного просвещения: Новая серия. СПб., 1917. Ч. 69, № 5. С. 67–87.
15. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса: Гносис, 1919. [8], IV, 167 с.

REFERENCES

1. Vasil'eva, M.A. "*Problematika individual'nosti*" v *trudakh P.M. Bitsilli* ["*Problems of Individuality*" in *P.M. Bitsilli's Works*], PhD Thesis, Summary. Moscow, 2009. 24 p. (In Russian)
2. Garzonio, Stefano. "Perelistyvaia 'Khozhdeniia vo Florentsiu', ili Toska po nevozvratimomu" ["Flipping 'Walking to Florence', or Longing for the Irreversible"]. *Znamia*, no. 4, 2011, pp. 178–187. (In Russian)
3. Kaganovich, B.S. "P.M. Bitsilli kak istorik kul'tury" ["P.M. Bitsilli as a Cultural Historian"]. *Odissei. Chelovek v istorii. 1993: Obraz "drugogo" v kul'ture* [*Odysseus. A Man in History. 1993: The Image of the "Other" in Culture*]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 256–271. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [*Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century*]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 241 p. (In Russian)
5. Kliuev, A.I., and A.V. Sveshnikov. "P.M. Bitsilli i Peterburgskaia shkola medievistiki" ["P.M. Bitsilli and St. Petersburg School of Medieval Studies"]. *Srednie veka*, vol. 75, no. 3–4, 2016, pp. 387–393. (In Russian)
6. Koselleck, Reinhart. "Mozhem li my rasporiazhat'sia istoriei? (Iz knigi 'Proshedshee budushchee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni'))" ["Can We Manage History? (From the Book 'The Past Future. To the Question

- of the Semantics of Historical Time’”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 5 (44), 2004, pp. 97–130. (In Russian)
7. Poliakov, F.B. ““V rozovom bleske’ Alekseia Remizova: pamiat’ kul’tury i ritual pominoveniia [“In Pink Glitter” by Aleksei Remizov: Memory of Culture and Ritual of Remembrance”], *From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon*, comp. by L. Fleishman, L., A. Ospovat, F. Poliakov. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2012, pp. 151–161. (Russian Culture in Europe, vol. 8.) (In Russian)
 8. Selunskaiia, N.A. “Novoe Srednevekov’e i medievisty posle Velikoi voiny” [“The New Middle Ages and Medievalists after the Great War”]. *Sobytiie v istorii, pamiati i narrativakh identichnosti* [An Event in the History, Memory and Narratives of Identity]. Moscow, Akvilon Publ., 2017, pp. 211–244. (In Russian)
 9. Selunskaiia, N.A. “Novoe Srednevekov’e — russkaia ideia?” [“New Middle Ages — the Russian Idea?”]. *Dialog so vremenem*, no. 64, 2018, pp. 179–195. (In Russian)
 10. Koselleck, Reinhart. Über die Verfügbarkeit der Geschichte. Koselleck, Reinhart. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Auflage. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1979, S. 260–277. (In German)

Дата поступления статьи: 14 июня 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 20 сентября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 14 June 2021

Approved after reviewing: September 20, 2022

Date of publication: December 26, 2024